

ЧТО МОЖЕТ ИСПОЛНИТЕЛЬ

К 80-летию со дня рождения Н. С. Голованова

Смелая, дерзновенная идея явилась Бородину, когда он решил написать музыку, во всем подобную живописи. Четыре части его «Богатырской» симфонии — это четыре грандиозных художественных полотен, в музыкальных формах запечатлевшие образы далекой Руси... Народное празднество, фигуры богатырей, портреты былинников, боянов, лихой, стремительный бег всадников, скачущих по просторам степей, роскошь первозданной природы. А над всем царит богатырский дух, гремит воинская доблесть и слава народная и как звон вещего колокола, во все концы земли птицей-лебедем плывет нескончаемая русская песня. Все величаво, громадно, дивно по красоте, беспримерно по таланту, все гениально! «Богатырская» симфония Бородина — какой-то светозарный храм на вершине русского музыкального Олимпа.

Но музыка не была бы музыкой, если бы она ограничивалась, только лишь какой-либо программой. При всей живописной картинности, рельефно проступающем рисунке представленных образов, музыка бородинской симфонии несравненно богаче, шире, объемнее обычно предлагаемых схем ее программности. Воздействуя на эмоционально-психический строй нашего естества, она до бесконечности множит, обогащает эту зримую образность, изощряет и раздвигает границы нашего предметно-чувственного мира. Эта симфония больше, чем только музыка, чем изумляющая воображение живопись. В ней заключено нечто, что заставляет думать о каких-то пророческих ее началах. «Богатырская» симфония представляет собой нравственно-эстетическое, философское кредо восходящего к всемирности народа России, идеальную формулу музыкально-художественного запечатления сокровенных начал природы русского духа. Она — великое откровение национального гения.

Но музыка, гениальная по осуществлению и «овеществлению» в ней самой музыкальной идеи, предстанет слушателям таковой лишь в том случае, если она будет гениально исполнена. Последнее означает, что исполнитель должен вступить с композитором в известного рода сотворчество. Между ними должно проявиться и установиться родство душ, порождающее в свою очередь и родство творческих мук. Разница лишь в том, что исполнитель, работая с той же силой творчес-

кой энергии, одержимостью духа и фантазии, как и композитор, находится в иной сфере творчества, на ином уровне музыкального мышления: один создает музыку в нотописи, другой воссоздает ее в живом, непосредственном звучании.

Чтобы добиться некоей, говоря условно, конгениальности в исполнении, достигнуть наибольшего сближения идей, представить публике гениальное сочинение во всей полноте заключенных в нем характеров, образов, типов, нужен громадный исполнительский талант, гигантские усилия ума и сердца. В этом случае труд, озаренный талантом, равен подвигу, талантливое исполнение равно «открытию».

Открытия в музыке имеют нечто общее с открытиями в географии. И у музыки бывают свои Магелланы, Колумбы, Васко да Гама. Этот параллелизм не так уж далек от истины. Как некогда не открытые еще земли, моря, проливы, существовавшие в природе, оставались до известного времени вне человеческого познания, так и сочинения композиторов, будучи созданными, реально существующими, оставались (быть может, некоторые остаются и теперь) как бы неопознанными. Они отражали лишь разной степени сходство с подлинником, но не становились самими подлинниками.

В истории музыкального исполнительства таких открытий множество. Мы не знаем, как исполнялась «Богатырская» в начале своего бытия. Сведения сохранились незначительные и самые общие. Задуманная и начатая Бородиным в 1869 году, симфония была закончена в 1876-м, впервые исполнена в 1877 году под управлением Направника и имела, как подчеркивают историки, весьма средний успех. Но хорошо знаем и помним, как исполнял ее Николай Семенович Голованов. Этот музыкант был наделен колоссальной художественной фантазией и творческой волей. Его темперамент с оттенками ярко выраженной национальной природы обрел в этом произведении наивысшую полноту творческих устремлений.

«Богатырская» Бородина, представленная на концертной эстра-

де Н. С. Головановым, — это ее «открытие», второе рождение — подлинный шедевр русского симфонического исполнительства (записана на пластинки в 1947 году), одна из блистательнейших глав в истории советского и мирового оркестрового творчества.

Со времени «Могучей кучки» вряд ли можно назвать музыкального деятеля, просветителя, кто бы так безраздельно и преданно соединил свою жизнь с русской музыкой. И чем глубже уходили корни этой музыки в национальную почву, чем она была оригинальнее, «самоцветнее», тем яростнее пламенела в нем душа музыканта-патриота, горячее бушевала творческая фантазия, жаждавшая наивысших форм художественного воплощения. Это был рыцарь одной воистину великой страсти.

Голованов не был универсален в смысле владения различными исполнительскими стилями, не был безупречен в трактовке сочинений западной музыки, классической в особенности. Но как раз именно эти свойства его натуры, проявляющей себя очень избранно, позволяли ему создавать нечто исключительно яркое, подлинно национальное, более того — уникальное.

Гениальное сочинение в артистической судьбе Николая Голованова можно считать его творческим откровением, лучшей песней его прекрасной музы. Произошло самое замечательное, что только могло произойти — мировоззрение композитора и исполнителя оказалось в самой непосредственной близости. Оно врасталось в одном круге идей патриотизма и гражданственности, устремлялось к одной цели — возвеличиванию родины. Не только музыка встретила на своем пути артиста, достойного ее идейных и художественных высот, но через эту музыку сам исполнитель раскрыл собственное необычайное дарование эпика, несравненного колориста, открыл в себе призвание глубокого и страстного пропагандиста идей национального искусства.

Чем отличалось головановское исполнение «Богатырской» симфонии от исполнений предшествующих и современных ему

дирижеров? Мощным очертанием архитектурных форм и утонченным изяществом их отделки. Громадное, великанское выступало под обаянием поэтической, в некотором роде мистической красоты, и что самое замечательное, что особенно пленяло в головановском музицировании, это музыкальная картинность, красочность национально-го убранства.

Перед вами открывалась воистину богатырская Русь — страна древняя, неоглядная, былинная. Вы видели ее небо, то польхавшее заревом битв, то сияющее празднично ликующими звездами. Видели степи, взрытые конскими копытами, города с пирующим победой народом, слышали звоны мечей и задравных кубков... На вас нисходили живые видения ушедшего, вы видели образы чудо-богатырей, воителей, хранителей отчизны. Вся живопись от времен Андрея Рублева, художественная литература, начиная от «Слова о полку Игореве», все — и люди, и события, все казалось сфокусированным в этих четырех частях симфонического шедевра.

Голованов извлекал из оркестра не обнаженное фортиッシмо, что случалось с другими исполнителями, но добивался предельной полноты вибрационного тона. Как ни был грозен, могуч этот чудный образ, прежде всего он был песней, музыкой от начала и до конца. И с какой пленительной, чисто русской распеваемостью звучала потом вторая тема, побочная партия.

С чем сравнить бесценный дар

музыканта, уподобить оркестру собранию лучших певцов России прошлого и настоящего? Особенность головановского звучания оркестра проявлялась прежде всего в необычайной певучести, распеваемости тона. Дирижер обладал поразительной способностью «расширять зрение над звуком». Суть его оркестровой эстетики — пение и только пение, даже тогда, когда фразы были короткими и ритмы броскими и угловатыми.

В русской классической музыке при всем богатстве в ней песенных элементов вряд ли найдется что-либо, что по широте запева, по значительности песенного образа могло бы сравниться с третьей частью «Богатырской» симфонии. В ней композитор хотел нарисовать фигуру Бояна, поющего под звуки гусель. Голованов воссоздавал образ этого легендарного певца со всей «волшебной силой песнопения». Можно было не знать, из каких программных предпосылок исходил композитор, иметь слабое представление об исторических событиях, о «преданьях старины глубокой», но солнце и воздух этой музыки, чудодейственно воскресшие под рукой мастера, дарили бесценные знания не уму, но сердцу, и было в том высшее, что дано музыке, для чего она явилась в мир. И вы подвластные лишь ей одной, понимали, чуяли всем сердцем, что кругом вас и до самых небес Родина — Россия, могучая, славная страна чудо-богатырей.

В. Ф. БАЛАШОВ,
и. о. профессора.